

АРХАИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ГОВОРАХ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УСТОЙЧИВОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Т. Г. Аркадьева, Л. М. Кольцова, М. В. Панова, С. А. Чуриков

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Воронежский государственный университет*

Поступила в редакцию 12 октября 2015 г.

Аннотация: в статье анализируются сохранившиеся в диалектах лексические единицы с праславянскими корнями. Авторы рассматривают историческое развитие семантики этих единиц и особенности их функционирования в южнорусских говорах.

Ключевые слова: лексикология, этимология, архаизмы, диалектная лексика, лексический фонд русского языка.

Abstract: the article analyzes preserved in the dialects lexical units with proto-Slavic roots. The authors examine the historical development of the semantics of this lexical units and features of their use in southern Russian dialects.

Key words: lexicology, etymology, archaisms, dialect vocabulary, lexical Fund of the Russian language.

В современном языкознании всё чаще ставится вопрос о необходимости изучения и лексикографического описания слов, которые отражают реалии прошлой жизни русского народа «не только с лингвистической стороны, но и в культурологическом и страноведческом аспектах, с точки зрения бытования слова в конкретных исторических условиях [1, 3]. В этой связи бесценный материал для наблюдений и выводов даёт обращение к данным диалектов, которые сохранили лексику, утраченную литературным языком полностью или на уровне отдельных значений. Обращение к праславянскому пласту архаической лексики, бытующей в современных южнорусских говорах, представляется своевременным и актуальным для воссоздания важных фрагментов языковой картины мира русского народа. К наименованиям, отражающим реалии, которые имеют несомненную материально-культурную ценность, относится тематическая группа «Одежда».

Исследование этой тематической группы важно не только в историко-этимологическом аспекте, но и с точки зрения анализа наиболее устойчивых звеньев лексического состава национального русского языка.

В данной работе анализируются праславянские лексические архаизмы и исторические варианты праславянских лексических явлений. Праславянский

лексический архаизм – это унаследованная и сохранившаяся лексической системой какого-либо говора единица праславянского лексического фонда, неизвестная литературному языку. Лексическим архаизмом можно считать и диалектное слово, не восходящее прямо к праславянской эпохе, а сформировавшееся в восточнославянский период. Определение «праславянский» сохраняется за такой лексемой только в том случае, если она содержит архаичный (праславянский и «глубже») корень или основу, либо создана по архаичной словообразовательной модели, либо сохраняет архаичный тип значения. Выделяют архаизмы лексико-фонетические (ЛФА), лексико-словообразовательные (ЛСЛА), лексико-семантические (ЛСА) и комбинированные. Кроме того, отмечают трансформировавшиеся архаизмы, т. н. исторические варианты праславянских архаизмов, отражающие изменения древнерусского, старорусского периодов [2, 9].

Наш материал фиксирует, во-первых, названия одежды, в основе которых просматриваются праславянские корни с дальнейшими фонетико-морфологическими изменениями, семантической трансформацией по разным основаниям. Это производные от корней *-ряд-*, *-пон-*, *-лох*, а также лексемы *гуня* и *порты*.

Во-вторых, выделены слова, появившиеся на основе метонимического перехода. Мы анализируем их как отдельную группу, так как данный тип переносных значений для исследуемой лексики наиболее продуктивен. Это лексемы *стан*, *зоб*, *подол*, *котух*.

Наконец, отмечены лексемы, сохранившие древнюю семантику, но подвергшиеся фонетическим изменениям (*гачи*, *гачник*, *гачень*).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Большой словарь историзмов и архаизмов русского языка»), проект № 14-04-00347.

К первой группе относятся исторические ЛСА, возникшие благодаря сужению значения исходной праславянской лексемы. Праславянский корень -пон- бытует в формах запон, запона, запонь, обозначающих разные виды одежды. Корень -пон- возник на стадии качественно-количественных чередований -пон-//-пин-//-пн-//-пя(т)-. Каждый из этих корней давал слова со своей конкретной семантикой.

В южнорусских говорах фиксируется префиксальное образование запон со значениями: 1) женская защитная одежда из холста в виде кофты с длинными рукавами. За'пън нъдява'ли нърабо'ту; 2) вид женского передника (туникообразный, часто с рукавами). За'пъннъдива'ли, када убира'ли рош, карто'шку; 3) обшивка рукава, манжет. За'пън мужыки зъстяуга'йт'.

Уже в праславянском языке была форма *zaropъ (ср. словен. *zarop'* пряжка, застежка). Видимо, исконная семантика слова – 'полотнище, занавес, завеса любого рода'. Это значение фиксируется Словарем русского языка XI–XVII вв в Лаврентьевской летописи под датой 986 год [3, с. 275]. Ср. опона 'занавес', пну, пять, запинать [4, 79], препятствие. Корень связан, вероятно, с лат. *rapnus* 'кусочек ткани', гот. *fana* 'ткань, лоскут', хотя Фасмер отвергает такую этимологию [5, 326]. В значениях 1 и 2 лексема была известна уже в XVII веке, в настоящее время они широко представлены в говорах. Значение 3 является узколокальным.

Слово запо'на' отмечено со значением 'особый вид передника с рукавами', восходит к праславянскому *zaropna (ср. в словен. *zarbna* 'пряжка, застежка'): Све'рх сърфана' зъпану' наси'ли.

Лексема запо'нь имеет семантику 'особый вид женского передника с рукавами, сшитый из целого полотна, с поясом выше груди': А уш кауда' ф по'ль йе'здили, то де'льли запо'ни с рукава'ми. С этой же семантикой слово зафиксировано в вятских говорах [6]. Возможно, оно имеет морфологические особенности по сравнению с праславянским явлением (мягкий вариант склонения). Но подтвердить или опровергнуть это предположение в настоящее время не представляется возможным из-за отсутствия данных. Суффиксальным образованием можно считать узколокальную лексему запонья' (* зарон(ъ)+ъ(а)) Харо'шъй у тибезъпан'я'.

Таким образом, при возникновении известной говорам семантики у слов запон, запона, запонь существенной оказалась защитная функция предмета, отсюда – семантический перенос названия завесы любого рода к защитной одежде определенного типа.

Рассмотрим производные с корнем -ряд- ('порядок, ряд, строй'). Это лексемы наряд, наряда, обряд, обряда.

Слово наряд отмечено со значением 'праздничная женская одежда': Де'вущка име'ла харо'шый наря'т. Лексема восходит к праславянскому *narędъ, обозначавшему первоначально, видимо, порядок, устройство вообще, подтверждением чему служат данные славянских языков: болг. нарядъ 'снаряды, убранство', диал. нареди мн. 'приспособления, устройство (напр. для тканья)', сербохорв. *na'red* 'устройство, снаряжение; домашняя хозяйств. утварь, орудия; посуда', диал. наред' домашняя утварь, орудия', ст.-польск. *narząd* ?р. 'орудие; сосуд; конская упряжь', польск. *narząd* 'устройство, приспособление; орган' и др. [7, 244].

Со значением 'одежда' слово наряд начинает употребляться, по свидетельству И. И. Срезневского, в XVI веке [8, 327] (первоначально это была, видимо, обрядовая одежда). Данная семантика известна в сербохорватском языке ('личное имущество, одежда, обувь') [9, 244], в украинском и белорусском языках. В современном русском языке слово имеет значение 'то, во что наряжаются, одежда (обычно праздничная, лучшая)' [10, 468]. И. С. Козырев отмечает, что известный литературному языку смысловый оттенок 'праздничная, лучшая одежда' слово приобрело уже давно [11, 58].

Итак, историю возникновения известной воронежским говорам семантики можно представить как поэтапное сужение исходного значения: порядок, устройство → одежда (видимо, обрядовая) → праздничная одежда → праздничная женская одежда.

Аналогичные изменения произошли и со словом наряда, (*naręda): Ис це'ркви при'диш, ръзбярёсси, наря'ду сло'жыш. Ср. болг. наряда 'украшение; наряд', диал. на'реда 'убранство дома', сербохорв. стар. *naředa* 'распоряжение, устройство, порядок', польск. редк. диал. *narzeda* 'устройство' и др. [9, 244].

Материал фиксирует дериваты древней лексемы, среди которых есть слова, известные другим говорам (нарядка: Така'яа вот у нас была наря'тка; обнаряд: Вес'мой абнарят; обнарядка: Панёвы ише'рсти были, луч'шь была абнаря'тка.) и лексемы узколокальные (обнаряда: Са'мъй абнаря'да была краси'въй; обнарядок: Абнаря'дък вес' аде'ниш и на двор; обнарядь;, обнарядье: Ну кастёнскъй абнаря'д'й вам распи'шут'.

Благодаря конкретизации исходной семантики значение 'праздничная (чаще женская) одежда, платье' появилось у слова обряд, восходящему к *obředъ (ср. др.-рус. обрядъ 'ряд, договор') [8, 556]: А то йест' красный абря'т. Словарь русского языка XI–XVII вв. дает значения 1. Договор, соглашение; 2. Уборка, приведение в должный вид, уборка (хлеба); 3. Отделочные работы. [12, 67]. В польском языке находим *obrzad* 'обряд, церемония', в чешском *obrad* – то же. Аналогичные изменения наблюдаются и у слова обряда с тем же смысловым оттенком (ср. сербохорв. обряда 'обработка, отделка'): У мене' абря'да ста'ръй ишо'ляжы'т'.

Подводя итог, нужно отметить, что лексемы с корнем -ряд- подтверждают мысль о синкретичности семантики древних славянских корней. В результате этого развитие значений от абстрактного к конкретному может идти одновременно в нескольких направлениях.

Историческим лексико-семантическим архаизмом является слово гуня 'старая, ветхая, изношенная одежда': Хва 'тит' йей уу'ньми нъряжа 'цць. Лексема известна в восточных, западных, южных славянских языках и служит для обозначения разных видов одежды. Напр., болг. гуня 'плотная верхняя одежда из шерстяной ткани', диал. гуна 'кожух, плащ без рукавов', макед. гуња 'крестьянская куртка', сербохорв. гуња 'широкая и длинная верхняя мужская одежда', 'шерсть на домашнем животном', чеш. *houne* 'накидка из грубого сукна', словц. *hiňa* 'длинная верхняя одежда из грубого сукна или овчины', укр. гуня 'верхняя суконная одежда, сермяга' и др. [13, 175–176]. О большей древности значений, соотносимых с одеждой вообще или конкретными видами одежды, свидетельствуют данные латинского языка (*gunna* 'шуба'), известно было слово в среднегреческом и авестинском языках со значением 'волос, масть, цвет' [13, 176].

В современных русских говорах лексема отмечена также в двух типах значений: 1) одежда (общее название); различные виды одежды: 'рубашка' (вят.), 'вид одежды, сшитой из холста', 'любая одежда' (перм.), 'верхняя одежда' (волог., новг., нижегор., перм., онеж., арх., олон., твер., яросл.) и др. [13, 176]. С семантикой 'верхняя одежда' слово фиксируется с XV века; 2) 'худая, ветхая, изношенная одежда, рублище'. Данное значение имеет широкий ареал распространения, в том числе южнорусский (ряз., орл., курск., тул., ворон., дон., ряз. и др.), фиксируется с XVII века [14, 159]. В воронежских говорах отмечено суффиксальное образование со значением собирательности гуњи (гунья): т плат'йь адни гун'й и асталис'.

Таким образом, исследуемая лексема – семантический дериват от праславянского слова: общее название одежды, конкретные виды одежды → ветхая одежда.

Лохо'нья, мн. 'ветхая, изношенная одежда, лохмотья' (праслав. *loхопь/ *loхоп): Фсё пъизнаси'лъ, лахо'н'йф нъбралос', *ход'* бы лахо'ник прийе'хъл. В данном случае наблюдается исторический словообразовательный вариант с собирательным суффиксом *-ье [15, 254]. Древний облик слово сохраняет в другом значении: лохон 'тряпка, лоскут' (Лахо'нъм накро'й расса'у) и лохонь 'пеленка' (В лахо'н' зъвара'чивъли дите'й). Данные других диалектов позволяют предположить вторичность указанной семантики: в среднерусских говорах лохоном называется холщовый рабочий балахон (влад.), лохонью – летняя одежда крестьян, сшитая

из холста, балахон (влад.). Все производные, оценочные значения зафиксированы в южнорусских говорах: лохонь 'лоскут, клочок материи; тряпка' (ряз.), 'детская пеленка из старой, изношенной одежды' (ряз.), 'неряха, оборванец' (ряз.), лохонья 'ветошь, тряпье' (тамб.), 'старое, изношенное белье; лохмотья' (красноярск.) [15, 254].

Семантический перенос ткань → одежда из этой ткани → конкретный вид одежды наблюдается у слова порты 'мужские штаны': Парты' зама'шнаи шыла. Исходное значение слова связано с видом ткани: праслав. *pъгть 'грубая льняная ткань, полотно', чеш. *prt.*, польск. *part'* 'грубая ткань, полотно', словен. *prt'* 'полотно' и др. [5, с. 334]. В древнерусском языке pъгть приобретает значение 'одежда', а с XVI века форма вин.падежа мн. числа pъгты фиксируется со значением 'мужские штаны'. Распространенное в воронежских говорах производное портки фиксируется с XV века [3, 131], а в воронежской деловой письменности – с XVII в. [16, 154]. По утверждению И. С. Коткова, внутренняя форма слова была тогда очевидной, поскольку оно легко ассоциировалось с другими словами того же корня, напр. портище'кусок, лоскут ткани': товару у нег(о) сто портищъ нашивок [16, 154]. Нами зафиксирован фонетический вариант порки' (Парки', этъ мужуки' наси'ли), а также производное со значением увеличительности порча'ки (Парча'ки-тъ pърва'лис').

Отдельную группу составляют исторические ЛСА, возникшие в результате метонимического переноса (стан, зоб, подол, котух).

Стан'верхняя часть женской рубахи': Стан, этъ верх, а патста'фкъ внизу'. На основании анализа значений, известных другим славянским языкам, можно предположить многозначность праславянской лексемы: с одной стороны, отмечаем укр. стан 'состояние, стан', русск. цслав. станъ, болг. стан(ът) 'стан (лагерь); станок', сербохорв. стан'жилье; ткацкий станок; (воен.) ставка', словен. *stvn'* 'строение, жилище, загон', чеш. словц. *stan* 'шатер, палатка', польск. *Stan* 'состояние, положение, чин; штат, состав', в.-луж., н.-луж. *stan* 'палатка'. О древности данного значения свидетельствуют данные литовского языка: *stonas* 'состояние'. С другой стороны, фиксируем семантику 'стан (девичий)' (русс.-цслав.), 'талия' (польск.), 'туловище' (словен.) [5, 745].

Таким образом, семантика, известная южнорусским говорам, – результат переноса по смежности: стан ('часть туловища, талия') → стан ('деталь одежды'). Со значением 'стан рубахи, платья, сшитые полотнища без рукавов, воротника' слово отмечает В. И. Даль (без указания места) [17]. В южнорусских говорах зафиксированы дериваты от праславянского корня – станина, станушка – с тем же значением.

Праславянский корень *doлъ представлен префиксальным образованием подол со значениями 'нижняя часть рубахи', 'нижняя юбка'.

В литературном языке данная лексема обозначает нижний край юбки, рубахи. О древности слова свидетельствуют данные западнославянских языков (чеш. *Podolek* 'подол', польск. *podolek* то же), украинского языка (поділ 'нижний край, пола плаття'). Значение 'нижний край одежды, подол' фиксируется в русском языке с XVI века. Оно основано, видимо, на метонимическом переносе: ср. в XII–XIII вв словом подоль обозначалось 'низкое, низменное место, особенно под горой, близ реки; низина' [18, 28], в украинском языке поділ 'низменность, долина, дол'. Подводя итог, отметим, что указанное выше диалектное значение шире соответствующего литературного.

Слово зоб (*zobъ) известно с семантикой 'верхняя часть кофты, кокетка': А на ко'хти зоп был, тол'къ мате'рийь друуа'йь. Значение, известное литературному языку ('расширенная часть пищевода (у птиц, насекомых, моллюсков), где предварительно обрабатывается пища'), – результат метонимического переноса: ср. др.-русс. зобъ 'корм', сербохорв. зоб 'овес', словен. *zob* 'зерно', чеш. *zob* 'корм (птичий)', польск. *zob, dziob* 'клюв' [4, 102]. Значение, отмеченное в воронежских говорах, – следующая ступень переноса по смежности, подтверждением чему могут служить данные других диалектов. Так, в вологодских говорах зобом называют горло, а в курских – грудь у женщины. Близкое исследуемому значению зафиксировано в рязанских говорах: 'верхняя часть женского фартука, закрывающая грудь и спину' [19, 320–321]. Производные зо'бот 'полка на мужской рубашке', 'стоячий воротник женской рубахи' и зобо'тка 'вышитая грудь рубашки, кофты' являются узлокальными лексемами.

Лексема котух 'овчинный тулуп' восходит к *kotuxъ, обозначающему различные помещения для скота [20, 208]. В этом же значении фиксируется в XVII веке в южновеликорусской письменности [21, 386]. Литературному языку слово неизвестно. Появление семантики, отмеченной в воронежских говорах, – предположительно результат метонимической ассоциации: помещение → одежда, в которой туда ходят. Шы'ли из аве'ц шу'бы кве'рх ко'жай, эта кату'х.

Наконец, отметим лексемы, возникшие как фонетические варианты праславянских явлений: гачи, гачник, гачень.

Гачи (*gatji) 'штаны, подштанники': ҃а'чи зашы'ла. И. С. Козырев замечает, что слово гачи употреблялось в древнерусском языке пережиточно, в памятниках письменности нашла отражение лишь старославянская форма гаща со значением 'белье'. Слово известно практически во всех славянских языках [22, 106–107].

Гачник (*gatjnikъ) 'шнурок, пояс для подвязывания брюк': Йу'пкъ шыро'кайь на ҃а'шникъ. Лексема известна другим славянским языкам [7, 108],

в воронежских документах отмечается с XVII века. С этим же значением зафиксировано слово гачень (*gatjънь). В сербохорватском языке это имя прилагательное (*gacan*), то же ст.-чеш. *hacny* 'относящийся к штанам'. На русской почве праславянское прилагательное субстантивировалось.

Изучение лексики праславянского происхождения важно по нескольким причинам. С одной стороны, прослеживаются особенности фонетической, морфологической, семантической трансформации исходных явлений. Так, выявлены типы семантических переносов по моделям: часть тела → название одежды (стан, зоб), географический термин → название одежды (подол), строение → название одежды (котух). Обнаружены также семантические изменения, отражающие развитие праславянского значения от общего к частному, что связано, видимо, с отсутствием исходной четкой предметной закреплённости у этих лексем (наряд, обряд, запон).

Таким образом, изучение этого лексического пласта дает ценные сведения о степени устойчивости тех или иных слов или отдельных значений в современном русском языке. Поэтому в настоящее время лингвистами, историками, культурологами ощущается острая необходимость в словарях, которые фиксировали и описывали бы лексику, ушедшую из активного запаса носителей литературного языка, но продолжающую свое существование в других подсистемах национального языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русских историзмов : учебное пособие / Т. Г. Аркадьева [и др.]; науч. ред. Т. Г. Аркадьева. – М. : Высш. шк., 2005. – 230 с.
2. Матанцева М. Б. Архаическая лексика в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья: Автореферат дисс. канд. филол. наук / М. Б. Матанцева. – Барнаул, 1999. – 21 с.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5: Е-зинутие / сост. Н. Б. Бахилина, Г. А. Богатова, В. Я. Дерягин и др. – М., 1978. – 392 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2: Е – Муж. – М., 2003. – 672 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – Т. 3: Муза – Сят. – М., 2003. – 830 с.
6. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Вып. 4: В-Военки / сост. Л. И. Балахонова [и др.] – 2е изд., испр. – СПб: Наука, 2002. – 355 с.
7. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 9. – М. : Наука, 1983. – 197 с.
8. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. / И. И. Срезневский. Т. 2: Л – П. – 1958. – 1802 с.
9. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 24. – М. : Наука, 1997. – 234 с.

10. Словарь современного русского литературного языка: В 17ти тт. Т. 17: Х – Я / ред. Л. С. Ковтун, В. П. Петушкова. – 1965. – 2126 стлб.
11. Козырев И. С. Очерки по сравнительно-исторической лексикологии русского и белорусского языков / И. С. Козырев. – Орел, 1970. – 235 с.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12: О-Опарный / Сост. Л. Ю. Астахина и др. – М., 1987. – 381 с.
13. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н.Трубачева. Вып. 4. – М. : Наука, 1977. – 235 с.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4: Г-Д / сост. Н.Б.Бахилина, Г.А.Богатова, Г.П.Смолицкая и др. – М., 1977. – 403 с.
15. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 15. – М. : Наука, 1988. – 263 с.
16. Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI –XVIII веков / С. И. Котков. – М., 1970. – 317 с.
17. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Т. 4: Р – V. – М. : Госиноиздат, 1955. – 684 с.
18. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16: Поднавесь-Поманути / сост. Г. А. Богатова и др.; ред. Г. Я. Романова. – М., 1990. – 294 с.
19. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Вып. 11: Зороситься-зубренка. – Л., 1976. – 363 с.
20. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 11. – М. : Наука, 1984. – 220 с.
21. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7: К-Крагуяр / сост. В. Я. Дерягин, О. И. Смирнова, Г. П. Смолицкая и др.; гл. ред. Ф. П. Филин. – М., 1980. – 403 с.
22. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 6. – М. : Наука, 1979. – 222 с.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Аркадьева Т. Г., доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка как иностранного
E-mail: tatarkad@mail.ru

Воронежский государственный университет
Кольцова Л. М., доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка
E-mail: kolzowa@mail.ru

Панова М. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры славянской филологии
E-mail: mvpanova@mail.ru

Чуриков С. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
E-mail: churikovsa@yandex.ru

Russian State Pedagogical University named after Herzen A. I.
Arkadeva T. G., Doctor of Philology, Professor, Head of the
Russian Language Department.
E-mail: tatarkad@mail.ru

Voronezh State University
Koltsova L. M., Doctor of Philology, Professor, Head of the
Russian Language Department
E-mail: kolzowa@mail.ru

Panova M. V., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Slavic Philology Department
E-mail: mvpanova@mail.ru

Churikov S. A., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Russian Language Department
E-mail: churikovsa@yandex.ru